

В нашем «старом кино» иностранцев всегда играли прибалтийские актеры. В них, считалось, больше было некоего «западного» шарма. А «горячий литовский парень» Регимантас Адомайтис слыл, пожалуй, «самым иностранным» среди всех киношных «иностранцев».

Сегодня Адомайтис — взаправдашный иностранец: он живет в суверенной Литве, редко появляясь в Москве. Но лучшие свои роли — этого никто оспаривать не будет — он сыграл в советское время в советском кино...

— Регимантас Вайтекович, если мне не изменяет память, вы стали народным артистом СССР в самый канун перестройки. Как относитесь к этому званию сегодня, когда Литва давно и прочно стала суверенным государством?

— Отношусь сегодня к этому званию точно так же, как и вчера, как и десять лет назад относился, а именно — с легкой иронией. Ведь не секрет, что в прежние времена почетные регалии частенько давали не за истинные заслуги перед искусством, а за то, например, что образ вождя воплотил. Но отречься сегодня на этом основании от звания было бы мальчишеством, а то и непростительной глупостью, сродни той, которая может вскорости произойти в Вильнюсе. Здесь, например, уже долгое время дебатруется вопрос, сносить или не сносить скульптуры сталинского периода, венчающие один старый мост в центре города. Ну давайте снесем эти каменные изваяния, а заодно еще и мост, «оскверненный» ими, а если уж на то пошло, то и пару близлежащих домов... Ну сколько можно воевать с историей? Да, она у нас — косая, кривая, но другой истории у нас не было. И других званий, например «антинародного артиста СССР», тоже в природе не существовало...

— Но были люди, боровшиеся с прежним строем...

— Понимаю, о чем вы. Нет, я не был явным диссидентом. Но и верным служакой режиму тем более не был, хотя, чего скрывать, в какой-то мере и мне приходилось приспосабливаться к существующим порядкам, идти на компромиссы. И все же... Не стану изображать из себя святого, праведника, но я не состоял в партии, не играл генсека, секретарей парткомов. Если можно так сказать, я был тихим оппозиционером режиму. Когда началась перестройка, вошел в инициативную группу «Саяудиса», хотя политическая деятельность мне глубоко чужда. Но время было такое, всех затягивало в свою воронку.

— Кроме компромиссов политических, идеологических, бываю еще и компромиссы творческие...

— Они, если угодно, заложены в природе нашей профессии. Театральная этика требует: если ты назначен на роль, то нравится тебе это или нет, ты должен ее играть. И это справедливо, иначе в театре воцарился бы хаос. Но войдите, с другой стороны, в положение актера, который зачастую должен буквально заставлять себя играть роли неинтересные, а то и лживые, чуждые его мироощущению. Это и есть школа компромиссов. У большинства актеров профессия, по моим наблюдениям, с годами выхолащивает изнутри, размывает контуры собственной личности. Отдавая ролям свою энергию, сердце, часть самого себя, буквально умирая на сцене, они к финалу своей жизни нередко приходят опустошенными, их души умирают раньше тел.

— Вы можете сказать это и о себе?

— И о себе тоже. Мне уже под шестьдесят, я немало пожил, немало персонажей на своем веку переиграл. Хотя самоистребительная потребность отдавать себя ролям, зрителям, сцене еще до конца не угасла. Два года назад я ушел из театра, недавно в него вернулся. Сейчас играю в «Эмигрантах» Мрожека, думаю над новой ролью — есть желание напоследок сыграть что-то стоящее, интересное, в противном случае смысла в еще одном выходе на сцену я не вижу...

— А как у вас обстоят дела с

кино? Я не встречал вас на экране уже много лет. Кому из нас не везет: мне как зрителю или вам как актеру?

— Мне пока везет, грех жаловаться. Несмотря на то, что кинематограф находится в плачевном

обочину жизни, профессия перестала приносить славу и деньги. Жестоко? Да. А может, в сегодняшней ситуации это неизбежно? Может, должно пройти время, допущая, немалое, прежде чем жизнь уляжется, и тогда театр и кино займут не преувеличенные (как когда-то), не уменьшенные (как сегодня), а принадлежащие им по праву места в иерархии жизненных ценностей. Так или почти так примиряю я себя с существующим положением вещей, понимая в то же время, что вместо меня сегодня семью никто кормить не будет...

ти запросто оплачивает своим детям учебу, скажем, в Кембриджском университете, он имеет машины, яхты, виллы, дважды в год отдыхает на Канарах...

— А у меня это все тоже есть. Есть лодка, на которой я могу рыбачить в озере. И яхта есть: гнил на студийном дворе швертбот с пробитым днищем, так я его починил, сшил паруса, руль сделал, мачту поставил — чем не яхта? И машина у меня хоть и старенькая, хоть и бегает десять лет, но «капризничает» не так уж и часто. Опять-таки по ночам не надо вскакивать, опасаясь, что укра-

Регимантас АДОМАЙТИС:

«АКТЕРСКАЯ ДУША УМИРАЕТ РАНЬШЕ ТЕЛА»

1949 — 1995 — 2000 — с.б.
Грустные признания счастливого человека

состоянии, я снялся за последний год в семи картинах — такого везения я и в лучшую свою пору не упомню. Ну а то, что вы эти картины не видели, — так я и сам ни одной не видел. Я снимался в Белоруссии, Латвии, на Украине, в России, в Германии — было бы странно в нынешней ситуации, если бы эти ленты дошли, допустим, до вильнюсского проката... Что касается собственно литовского кинематографа, то я в нем не снимаюсь — по той причине, что его попросту нет. Государственной субсидии, которая выделяется для Вильнюсской киностудии, не хватает даже для производства одной картины...

— В этой связи у вас не возникают горькие мысли? Ведь в старые времена картины с вашим участием, будь то «Никто не хотел умирать», «Это сладкое слово — свобода», «Кентавры», собирали по 30 — 40 — 50 миллионов зрителей. Я уж не говорю про телесериалы «Американская трагедия», «Мираж», показанные по первому каналу телевидения, — их смотрела вся страна. А сегодня ленты, в которых вы снимаетесь, не видят даже специалисты.

— Да, некоторое ощущение бессмысленности своего труда есть. Но ведь по большому счету и жизнь бессмысленна — все равно приходится умирать. Однако мы все равно живем, ищем оправдание своего пребывания на земле. Так и я придумываю объяснение своего существования в профессии.

Раньше я, как и многие, был склонен преувеличивать роль, миссию искусства в жизни общества и тем самым значимость актерского, в том числе и своего собственного, труда. Но времена меняются. Искусство перестало быть частью идеологии, но не «выписалось» пока в рынок, и мы, актеры, стали враз никому не нужны. Нас загнали куда-то на

— Ну и как, удастся вам это нынче?

— С трудом, но пока удается. Правда, все чаще приходится забывать о творческой взыскательности, о высоких критериях искусства... Уже и в пошловатом боевике не зазорно появиться, и в рекламе не стыдно сняться...

— Многие актеры в последние годы сменили профессию, возглавив фирмы, войдя в банковские структуры. У вас нет такого желания?

— Вы знаете, я ни черта не понимаю в бизнесе. Уже одни только слова типа «лизинг», «фьючерс», «консалтинг» приводят меня в неопишемый ужас... Если бы я затеял какое-нибудь дело, то моментально бы обанкротился. Потому что даже водопроводчику, который починает у меня краны, я всегда склонен дать больше, чем он реально заработал...

— Но ведь и вам приходится сегодня торговаться по поводу вашего актерского гонорара?

— Слава Богу, за меня это делает Московское актерское агентство, которому я передоверил эту щекотливую миссию. Так дорого, как оно «продает» меня, я бы сам себя никогда не «продал».

— Что значит «дорого», если это, конечно, не секрет?

— Это значит, что я могу купить своим детям обувь, которая прямо горит у них на ногах. Что моей семье хватает на пропитание. Что я могу позволить себе роскошь содержать машину, которая без конца требует ремонта. Вот и все мои жизненные притязания на сегодняшний день.

— Но ваш старший сын, говорят, гризет гранит науки за рубежом?

— Да, он учится в Америке, но, к моему счастью, освобожден от платы за учебу. Я бы такие траты ни за что не потянул.

— Но в той же Америке актер вашего уровня и вашей известнос-

дут, — все-таки не «мерседес». И Канары, Багамы у меня под боком. Отъедешь 80 километров от Вильнюса — и попадаешь в царство дивных лесов, озер. Там у меня участок есть с огородом, садом, я выращиваю своими руками фрукты, овощи. А свое — оно всегда слаще. Так что мне, если подумать, любой Сталлоне должен завидовать...

— Тем более что Сталлоне то и дело разводится, судится со своими женами, а у вас, как я понял, крепкая, сплоченная семья...

— Да, с семьей мне повезло. С моей женой мы познакомились на съемках фильма, она у меня актриса, певица, мы с ней хорошо понимаем друг друга. Сейчас она выступает с концертами, я разговариваю с вами в России (наша беседа происходила на фестивале «Янтарная пантера» в Калининграде. — Л.П.), а дети дома жарят яичницу...

— Думаете, сами справляйтесь?

— Ну, они у меня уже большие. Да и к работе с детства приучены. Младшему пятнадцать лет, он учится в школе, тот, который постарше, поступил в этом году на актерский факультет театрального института.

— Стало быть, пример отца не отвратил его от этой неблагодарной и непрестижной ныне профессии?

— Я его не уговаривал идти в актеры и не отговаривал, не помогал ему поступать и не мешал. — Но вы ведь можете наметанным глазом определить, есть у парня талант или нет...

— Я всегда боюсь ошибиться в оценке чужих способностей, не случайно вот уже столько лет не принимаю предложение заниматься педагогической деятельностью. Но что касается сына, то творческий дар, страсть к лицедейству у него есть, я это чувствую. А как сложится его судьба дальше, сколько он вложит сил, усердия в овладение профессией, в каком направлении будут развиваться его задатки, — это сегодня предугадать сложно. Да и случай, вы это знаете, имеет в нашем актерском деле немало важное значение.

Лично мне судьба, считаю, улыбнулась. Ибо, несмотря на печальные мысли и признания, которые проскользнули у меня во время сегодняшней беседы, на самом деле я очень счастливый человек: я всю жизнь занимался и занимаюсь хоть и трудным, выматывающим душу, но любимым, единственно для меня возможным делом. Может, судьба будет великодушна и к моему сыну?..

Вел беседу
Леонид ПАВЛЮЧИК.
Фото Елены ИХИЛЬЧИК.